

Через два года мы будем праздновать трехсотлетие с момента основания города Омска. Лет с тех пор, когда теплым днем 1716 года отряд Бухольца причалил к иртышским берегам у устья Оми, прошло много, а количество белых пятен в омской истории, как в истории любого старинного города, не уменьшается. В притчах рукописи, конечно, не горят, а в реальности горят, гниют, и не только рукописи, официальные документы тоже. Поэтому так много пробелов в повествованиях о жизни любого сибирского поселения. Попыткой удалить один из таких просветов и является этот материал.

Благовещенский собор в Павлодаре.

ПОРАЖЕНИЯ - ПУТЬ К УСПЕХУ

Так уж случилось, что закладка нашего города связана с военными поражениями. В этом нет ничего плохого, потому что путь к большой победе всегда лежит через череду неудач. Они хорошо сказываются позже: закаленный характер не позволяет сворачивать с пути к намеченной цели.

Но о каких поражениях идет речь? О проигранном Бухольцем сражении с джунгарами на берегах Иртыша у соленого озера Ямышева и пленении русского военного каравана у Корякова Яра. Все это происходило на территории нынешней Павлодарской области Республики Казахстан.

Вкратце напомним сюжеты тех давних событий.

В феврале 1716 года на правом берегу Иртыша у озера Ямышева, это в 465 километрах от нынешнего Омска на юг, джунгары осадили русский военный лагерь. Джунгары - это западные монголы. В омской исторической литературе их часто называют калмыками. Я название считаю совершенно некорректным. И вот почему. Калмыки являются гражданами России. Нельзя делать их врагами русского народа. Тем более что они никогда не были врагами ни российского государства, ни русского народа и заодно с джунгарами не выступали, хотя и происходят с ними из одного корня - из западных монголов. Это во-первых, а во-вторых, джунгары или ойраты - это широко распространенные международные названия западных монголов. Вряд ли нам стоит городить отдельный омский огород.

Но давайте вернемся от этнографии к сибирской истории и географии. Осажденным у озера Ямышева русским отрядом командовал подполковник Иван Бухольц, позже ставший основателем Омска. Ивана Дмитриевича, напомним, Петр I отправил на поиски азиатского города Еркет (по предположениям историков, это город Яркенд на территории современного Китая), где якобы золото чуть ли не кучами на поверхности лежит. Однако зимой 1716 года на берегу Иртыша у Ямышева многотысячное войско джунгар обложило три русских полка так плотно, что и мышь не проскочит. Сибирский губернатор князь Гагарин ближе к весне отправил к Ямышеву караван с припасами и деньгами: то ли в качестве помощи, то ли как заранее запланированную подпитку экспедиции перед летней дорогой. Если бы караван достиг русского лагеря, то Бухольц продолжил бы свой поход на юг, а Омск возможно появился бы не скоро и вряд ли стал бы миллионным городом. Но судьба на счастье современных омичей и на несчастье русских солдат начала восемнадцатого века распорядилась иначе. Джунгары пленили посланный Гагариным караван. Потеря стала катастрофой для всей экспедиции к городу Еркет. Гарнизон голодал, свирепствовали заразные болезни. Весной Бухольц оставил пределы озера Ямышева и отступил вниз по Иртышу. У устья Оми отряд пристал в последних

КАЗАХСТАНСКАЯ ЧАСТЬ ОМСКОЙ ИСТОРИИ

числах мая или первых числах июня 1716 года. Эти дни и следует считать временем закладки Омска.

Если об озере Ямышеве, в окрестностях которого располагался русский лагерь, написано много, в том числе кое-что автором этих строк, то о Коряковом Яре, где джунгарам проиграла бой охрана каравана, то есть о том месте, где произошло второе поражение русских войск, в Омске почти не говорится. Мне, по крайней мере, не приходилось встречать даже упоминаний о том, где он располагается.

Причина проста. Нет письменных зафиксированных подробностей того боя. Хотя потери были велики - только пленными джунгары взяли 700 человек. А по последствиям оба поражения - и у озера Ямышева и у Корякова Яра - совершенно равнозначны. Как звенья одной цепи: лопни любое - цепь рвется.

ПРОЙДИСЬ ВЕЧЕРОМ У ФОНТАНОВ. КРАСИВО

Коряков Яр, в отличие от многих исторически значимых мест, найти просто. Достаточно приехать в Павлодар и прямо на автовокзале спросить у любого горожанина: «А как добраться до Набережной?»* Ответ получите сразу же. 20 минут на маршрутном автобусе - и вы получаете возможность любоваться самой красивой на всем протяжении Иртыша, длина которого составляет 4250 километров, Набережной. Она же - Коряков Яр. Находится в самом центре Павлодара. Красиво тут. На верхней площадке Яра возведена целая система из пульсирующих фонтанов, рядом плывут в воздухе огромные черные рыбы. Вечером на Набережной собираются сотни гуляющих. Здесь легко заводятся разговоры, быстро складываются знакомства. У подножия Яра пляж, тенистые тропинки. Вечером тут молодежь пивком балуется. Да и не только молодежь.

В 1720 году неподалеку от Корякова Яра на том же правом берегу Иртыша русские заложили Коряковский форпост. Со временем селение превратилось в казачью станицу, а позже - в город Павлодар.

Мне нравится Павлодар. По 5-6 часов без перерыва могу гулять по городу. Широкие улицы, приветливые прохожие, изящный Благовещенский собор, статуэтки из белого камня, раскиданные по скверам и паркам. Здесь не только мужчины, здесь (знаю как трудно убедить в этом омичей, но все же поверьте) даже женщины не матерятся, хотя русская диалекта составляет половину населения.

Сплошное удовольствие спрашивать дорогу, особенно если ее объясняет молодая казашка: с улыбкой, подробно, глядя прямо в глаза. Так бы, не сходя с места, и смотрел, и слушал. А уж рядом с шумящими фонтанами Набережной от того же самого получаешь двойное удовольствие.

Сейчас трудно поверить, что здесь в марте 1716 года случилась кровавая бойня. Охрана каравана, всего одна рота солдат, укрывшись за составленными в полукруг повозками, целый день отбивала атаки неприятеля. Не воинское искусство, а превосходство в живой силе победило мужество наших. Гарнизон джунгар, осаждавший русскую крепость у озера Ямышева, насчитывал около 10 тысяч воинов, поэтому подкрепление в бою у Корякова Яра противник получал без проблем. Откуда же, возникает вопрос, пленных 700 человек набралось, если караван сопровождала всего рота солдат? А они из числа купцов, соледобытчиков и шведских офицеров. Шведы, попавшие в плен в ходе Северной войны (1700-1721), отправлялись в Зауралье, откуда трудно совершить побег. Подданные Карла XII, за плату, участвовали в сибирских экспедициях, помогали строить крепости, плавил металл, гнали особо чистую водку.

Гибель каравана - вещь для русского воинского самосознания обидная. До крепости Бухольца оставался один переход. Последнюю стоянку караванчиков и голодающих солдат разделяло не более 50 верст.

В повозках, кроме харча и пороха, находилось 20 тысяч рублей. Огромная сумма по меркам XVIII века. В то время боевая лошадь стоила от трех до пяти рублей, а пленница-рабыня - рубль.

Джунгары, чтобы подорвать дух защитников Ямышевской крепости, избитых и оборванных пленных специально прогнали перед редутами. Солдатам только и оставалось скрежетать зубами от бессилия. Начнешь стрелять из пушек, половину своих положишь, а при удачной стрельбе, когда одни враги попадут под картечь, пленных прямо на твоих же глазах джунгары в отместку саблями изрубят.

Весной, когда Бухольц начнет готовиться к отплытию, джунгары приведут священника и казначея каравана. Какая-то часть пленных вернется домой через годы. Всего в руках поданных Джунгарского ханства на положении рабов находилось около тысячи русских. Вроде бы 400 человек снова увидели свет Родины. Впрочем, сложно говорить что-то определенное по этому поводу. Времени прошло много, документов сохранилось мало.

АВТОБУС ТУДА НЕ ХОДИТ

Но почему Коряков Яр русские выделяли среди других мест азиатского Прииртышья? Почему его название во владениях джунгар укрепилось еще в XVII веке? Считается, что здесь грузили на дощаники соль, добытую тарчанами и тоболяками в ближайших соленых озерах. В частности, в озере Коряковке. Оно километрах в 20-25 от Корякова Яра лежит. В голове, когда узнаешь об одноименности озера и яра, моментально складывается логическая цепочка последовательного появления названий: раз из озера Коряковки на берегу Иртыша грузили соль, следовательно, и яр получил название по озеру. Я слышал подобную версию не раз. На ней пока и остановимся.

Меня несколько лет преследовал вопрос, а что же стало с этим, Коряковским, озером, благодаря которому появился топоним Коряков Яр. Как ни суди, а все это с появлением Омска связано.

Казалось бы чего проще: развернул карту Павлодарской области, нашел озеро, если есть дорога, сел на автобус, если

нет - пешком сбегал. 20 километров - для путешественника-ходуна не расстояние. Все так, по карте я знал, где находится озеро Коряковка и расположенная рядом с ним деревня с тем же названием, времени не хватало. К озеру Ямышеву ездил, землянки Бухольца считал. Следы 118 строений обнаружил. Схему составил. А это многих часов требовало. И нервов. Не дома. В чужих местах мандраж бьет. Номер телефона российского посольства в Казахстане заучивал лучше, чем собственный.

В октябре прошлого года решился исполнить свою мечту, взглянуть на Коряковку. Автобус туда, оказывается, не ходит. Пришлось нанимать такси. Водитель-казах своей суровостью вызывал не столько уважение, сколько опасение. По дороге парня молодого подсадил, тоже сурового на вид. «Сын, - объяснил таксист, - в университете учись». А сын как-то не очень уважительно вел себя по отношению к отцу. Словом, не походил на сына. Я в левом кармане куртки положил указательный палец на кнопку газового баллончика, а в правом - покрепче стиснул выкидной нож. Прикинул за какой рычажок для открывания дверей удобнее хвататься, ежели случится конфликт. Трусил, конечно. Я всегда в подобных ситуациях трушу, потому всегда готовлюсь к отпору. И перед отъездом обязательно оставляю в гостинице записку, где меня искать, если что.

Виктор ГОНОШИЛОВ
Фото автора

(Продолжение в следующем номере).

Через два года мы будем праздновать трехсотлетие с момента основания города Омска. Лет с тех пор, когда теплым днем 1716 года отряд Бухольца причалил к иртышским берегам у устья Оми, прошло много, а количество белых пятен в омской истории, как в истории любого старинного города, не уменьшается. В притчах рукописи, конечно, не горят, а в реальности горят, гниют, и не только рукописи, официальные документы тоже. Поэтому так много пробелов в повествованиях о жизни любого сибирского поселения. Попыткой заполнить один из таких просветов и является этот материал.

(Продолжение. Начало в №6 (1004) от 12 февраля 2014 г.)

ВДОЛЬ ПО УЛИЦЕ... ОТ ОЗЕРА

20 километров на такси от Павлодара до озера Коряковки, не стану скрывать, показались длинными. Уж быстро суровыми выглядели таксист и его сын, согласившиеся доставить меня к степному водоему. Две тысячи тенге (420 рублей в пересчете на российскую валюту), оговоренные заранее, отдал при завершении поездки с облегчением. Озеро, к которому так рвался в последние годы, синело в полукилометре.

У каждого человека есть заветная мечта. До октября прошлого года меня тоже изводила одна. Страсть как хотелось увидеть казахстанское озеро Коряковку. Считается, что благодаря этому соленому озеру и было дано название Корякову Яру, у спуска рядом с которым сибирские промышленники грузили озерную соль на дощаники. На вершине того же яра весной 1716 года джунгары пленили русский караван, посланный из Тобольска на помощь отряду Бухольца. Три русских полка были окружены теми же джунгарами на берегу Иртыша у озера Ямышево. Всего сутки пути оставалось караванщикам, чтобы обняться с земляками, выпить винца с устатку. Не вышло, как ожидалось, в колотки пленников вместо застолья попали. А Бухольц, не получив помощи, решил отступить вниз по Иртышу и стать лагерем у реки Оми. С того лагеря и вырос город Омск. Поэтому озеро Коряковку, как ни суди, а из нашей истории не выкинешь.

И вот озеро, о котором мечталось, синеват в полукилометре от меня, ближе, не зная местных дорог, не подъедешь. А я к нему не кинулся. Куда оно денется? Сначала информация надо собрать. Найти знакомого человека. Где? С этим как раз просто. На берегу водоема расположена одноименная деревня - Коряковка. Иду по сельской улице, навстречу - трое молодых улыбочиво-белозубых казахов. Прямо как с рекламного плаката для зубной пасты. Постояли мы, пообщались, я им объяснил свою заботу, они мне - направление к знающему аксакалу. Спасибо вам, ребята, лучшего человека я и не мечтал найти.

С Байтемиром Нуртазиным (ему 26 марта 77 лет исполнится) теплое общение налажилось сразу. Беседа так легко потекла, будто всю жизнь в соседних домах прожили. Майнаш, жена хозяина дома, попыталась нас за стол усадить, ну куда там. Мужики за серьезное дело принялись: о прошлых временах разговоры разговаривать.

Я от восторга, слушая Байтермира Баймагамбетовича, как начищенный пятак сиял. Ведь ни в одной из библиотек мне не удалось найти подробного описания истории Коряковок: ни села, ни озера. А пожилой мужчина все о них знал. Здесь жизнь его от рождения до старости прошла. Его отец соль добывал, и сам он работал на соледобыче.

В относительно недалеком прошлом на берегах озера размещалось несколько

Озеро Коряковка.

КАЗАХСТАНСКАЯ ЧАСТЬ ОМСКОЙ ИСТОРИИ

производственных линий мощного Сольтреста. Народное хозяйство Советского Союза ежегодно получало от 30 тысяч до 100 тысяч тонн соли. Фасовались брикеты для сельского хозяйства, для металлургических комбинатов, для пищевых предприятий. Соль добывалась комбайном, грузилась на вагонетки - специально через озеро узкоколейку проложили.

А КАК В СТАРИНУ ДЕЛО БЫЛО?

Но меня больше интересовала древняя технология соледобычи. Интерес у меня к ней вполне профессиональный - краеведческий. Когда читаешь о делах старины седой: о соледобыче в озере Ямышево, самом главном, как мне думается, для омичей соленом озере, ведь от него пошла наша история, то узнаешь, что соль ломали. А как ломали? О том нигде не указано. Я у многих жителей села Ямышево расспрашивал о подробностях методики. Всего один человек, из пожилых он, сумел мне что-то рассказать. По его словам, когда озерная вода испарялась и отступала от берегов, соль оставалась на отмелях в виде слоя белого порошка. Ее собирали лопатами. О том он помнил со времен юности. Мне же было не ясно, где здесь «ломка» и как набрать такие объемы, чтобы нагрузить десятки дощаников грузоподъемностью 25-30 тонн. Пол-Сибири солью с Ямышево кормилось: ею зарплату чиновникам и казакам выдавали, ею за меха с местным населением рассчитывались.

Наконец-то, через 15 лет поисков, древняя технология ломки соли мне открылась.

Спасибо за то Байтермиру Баймагамбетовичу, его любознательности. Он этой чертой характера с моим родным отцом, теперь уже покойным, схож. Папа в своей памяти хранил всю историю небольшой деревни Тузаклы Знаменского района. Остальные его сверстники прошлым почему-то не интересовались. А ушел из жизни папа, вместе с ним ушла вся тузаклинская история.

Про старинное житье-бытье в Коряковке Байтемир знает из рассказов своего отца Баймагамбета. Он в 20-х годах прошлого столетия, еще будучи молодым парнем, нанялся на работу к местному баю. Баями тогда в Коряковке казахи называли людей, которых русские определяли бы скорее как купцов. Доверенный бая, десятник, собирал бригады для добычи соли. Народ в те бригады сбивался по интернациональному принципу: и русские, и казахи, и

украинцы, словом, все, кто жил тогда в окрестностях Павлодара.

Они соль ломали. Один работник рубил кайлом (та же кирка) 70-80-сантиметровый пласт соли, а второй широкой лопатой сгребал камни в кучи. На время их оставляли прямо в озере. Зачем? А чтобы от грязи освободились.

Физиология природного процесса формирования соляного пласта такова, что между чистыми слоями кристаллов хлорида натрия возникает прокладка из песка и глины. Каждое лето, при испарении воды, откладывается 7-12 сантиметров соли. Зимой испарения нет, а рапа при самом страшном морозе остается жидкой. Хотя ее температура опускается намного ниже точки замерзания обычной воды, соль не дает образовываться льду. Ветры в степи дуют сильные, несут много пыли. Пыль, падая на рапу, больше в воздух не поднимается, а, намкнув, опускается на дно, вернее, на слой соли. Зимой, а также поздней осенью и ранней весной, соленые озера выступают в роли пылеуловителей.

А летом на возникший из твердых атмосферных осадков слой осаждается очередной слой соли. Когда толщина общего слоя достигала 60-100 сантиметров, его начинали ломать. Конвейер солеобразования в Коряковке работал без перерывов столетиями. Соль вывозили десятками и сотнями тысяч пудов ежегодно со времени, когда на его берегах появились первые разведчики из сибирских казаков и татар. А озеро, о чем есть справка в энциклопедии Павлодарского Прииртышья, было открыто в 1700 году. То есть за 15 лет до похода Бухольца. Об общепринятой дате открытия у меня есть сомнения, основанные на документах, но об этом позже.

Соль, оставленная кучами в озере, а пласт при ударе киркой рассыпался как раз по линии прокладки из пыли, промывалась водой. Куски соли могли вроде бы раствориться, если учесть, что вода у дна соленых озер обычно имеет более высокую температуру, чем на поверхности. Лучи солнца, проходя сквозь прозрачную толщу, нагревают темные придонные слои, а верхний слой влаги служит своеобразным изолятором. Такой вот инкубатор. Однако ж куски соли от грязи освобождались, но не растворялись. Почему? Насыщенный рассол не растворяет соль.

Промытую соль грузили на телеги, которые загонялись в озеро. Дно плотное, как асфальт. Телеги выдерживались быками, лошадьми или верблюдами. Услышав от рассказчика про верблюдов, я хотел возразить: не могли верблюды

работать на соляном прииске, их копыта устроены таким образом, что соль разъедала бы их в два счета, однако сдержался. Разгадку, а я был уверен в ее существовании, оставил на десерт.

На берегу из соли формировали огромные кучи, высота которых могла достигать 10 метров. И оставляли на год-другой созреть. Галит, как называется только что добытое сырье, кроме хлорида натрия содержит соединения из других минеральных веществ. Нестойкие соединения под воздействием солнца, ветра и дождей разлагаются. Соль делается чище. Мне рассказывали в уже упоминавшемся Ямышеве, что молодой, текущим летом добытой солью, супы и каши солили без проблем а для засолки она не годилась. Банки взрывались. В чем же дело? А загадка раскрывается следующим образом. В доисторические времена на месте нынешней прииртышской степи плескался безбрежный океан. Соль, оставшаяся после его исчезновения, выдавливается из земных недр. Какая-то часть в виде огромных подземных скал или скромных

по диаметру вертикальных столбов подходит к земной поверхности, какая-то - в виде микроцита по пористым грунтам выходит из глубин и откладывается в почве. Как правило, эта вторая форма и способствует созданию соляных озер. Соль микрокристалликов растворяется талой водой или дождями, сносится в ближайшие бессточные котловины. Омский специалист по малым водоемам Сибири Ринад Валитов говорит, что один степной гектар может давать по 400 килограммов минеральных веществ. В ручейках вода течет пресная, а в озере она уже соленая. В целом процесс для сельскохозяйственной деятельности человека благоприятен, он не позволяет засаливаться степным черноземам. В куске извлеченной из озера соли содержится весь букет веществ, растворенных в древнем океане. Я читал заметки поклонников галита, утверждавших, что он полезен для организма. Думаю, не всегда. Его качество зависит от того, в каком месте добыт. Я когда-то собирал куски самородной соли по берегам озера Ямышево и ясно видел, как сильно они отличаются друг от друга по цвету. Иной прозрачен, иной - желт, иной - синий. Соль, видимо, включает в себя минеральные добавки из тех слоев, через которые идет к поверхности.

ХИМИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА В СТАРИНУ

Для меня большой и долгой загадкой было, как в старину добытчики соли умели обходиться без специальных костюмов? Соль ведь любую царапинку на коже разъедает до огромной раны. Да что там кожа, джинсовая ткань, смоченная рапой, теряет прочность. При такой агрессивности озерной среды работники вроде бы обречались на погибель. Однако если из Тары и Тобольска на Коряково и Ямышево озера отправлялись казаки и вольнонаемный люд, следовательно, производство обходилось без большого количества жертв. Иначе кто бы сумел сибиряков, людей по натуре упрямых и своенравных, на соледобычу загнать.

После общения с Байтермиром Баймагамбетовичем ситуация прояснилась. Я еще раз восхитился изобретательностью человеческого ума. Умели наши предки поставленные перед ними природой задачи решать.

Виктор ГОНОШИЛОВ

Фото автора

(Продолжение в следующем номере).

Через два года мы будем праздновать трехсотлетие с момента основания города Омска. Лет с тех пор, когда теплым днем 1716 года отряд Бухольца причалил к иртышским берегам у устья Оми, прошло много, а количество белых пятен в омской истории, как в истории любого старинного города, не уменьшается. В притчах рукописи, конечно, не горят, а в реальности горят, гниют, и не только рукописи, официальные документы тоже. Поэтому так много пробелов в повествованиях о жизни любого сибирского поселения. Попыткой заполнить один из таких просветов и является этот материал.

(Продолжение. Начало в №6 (1004) от 12 февраля 2014 г.)

ХИМИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА В СТАРИНУ

Из казахстанского озера Коряковки соль на стол сибиряков поступала 270 лет. Свое название оно получило по имени кого-то из тарских купцов или казаков. Поэтому в историческом плане оно не чужое нам. Неподалеку от этого же озера степняками был пленен русский караван, который вез продукты и боеприпасы для осажденного отряда Бухольца. Соли в водоеме добывали много, и добыча росла год от года. Например, если во второй половине XVIII века из озера брали ежегодно по 100 тысяч пудов, то через столетие объемы выросли в десять раз и достигли уровня в миллион пудов (16 тыс. т.). Вся эта соль добывалась вручную, с помощью кирки и лопаты. Как же люди предохраняли свое тело от разъедающего действия рапы?

Мой проводник по истории обоих Коряков - озера и села - 76-летний Байтермир Нуртазин рассказывал, как еще в начале 20 века соледобытчики шили своеобразные костюмы химзащиты.

Когда новый рабочий появлялся на прииске, следом за ним пригоняли корову. Ее тут же резали и из свежей шкуры по фигуре рабочего сразу же кроили комбинезон. Мездрой внутрь. Он абсолютно непроницаем для воды. Вроде современного костюма химзащиты. Швы прошивались дважды, с подворачиванием. Хороший скорняк на берегах Коряковки ценился не меньше опытного соледобытчика.

После работы в озере мужчина отряхивал свой костюм от воды и вешал на просушку. Сколько он служил, я не знаю. Неделю, месяц, сезон? Не скажу. Этот вопрос для меня без ответа. Костюм мог загнивать изнутри. А мог и не загнивать. Берегись не берегись, а пригоршня-две соленой воды все равно за день работы внутрь попадала. Соль, возможно, приникала и через внешние покровы, консервируя подкожную клетчатку. Думаю, и рукавицы тоже шились из шкуры. Но по этому поводу мой респондент ничего сообщить не мог, он застал уже брезентовые голицы, а сочинять ему не хотелось.

Повозки нагруженные галитом, то есть только что добытой солью, из озера вытягивались либо лошадьми, либо быками, либо верблюдами. Почему такое разнообразие в видах рабочего скота на берегах озера? Все, видимо, зависело от личных предпочтений конкретного бая или, говоря по-русски, купца, организатора соледобычи на том или ином участке озера, а также от его финансовых возможностей. Лошади, например, хороши тем, что послушны и универсальны: для них работа легко находилась круглый год. Зимой, когда добыча соли прекращалась, на них можно было грузы по найму возить и просто в гости ездить. Но лошадь стоила дорого, да и без овса или проса она не работница. Словом, требовала хорошего капитала для своего содержания. Бык по силе не уступит лошади, неприхотлив в еде: достаточно сена. Но зимой чаще всего нахлебник, опять же упрям. Моя бабашка рассказывала, как бабы Знаменского района в войну пахали на быках. Если бык отказывался тянуть плуг, хоть оглоблю об него

Байтермир и Майнаш Нуртазины.

КАЗАХСТАНСКАЯ ЧАСТЬ ОМСКОЙ ИСТОРИИ

обломой - бесполезно. Лучше всего для условий Коряковки подходил верблюд. У него большая сила, неприхотлив в еде, терпелив к жажде. Только и он не идеал. Стоил дороже лошади, а запасов здоровья у него поменьше: чаще погибал от болезней. Перевозка грузов по влажной агрессивной почве ему физиологически противопоказана.

У лошадей и быков копыта покрыты прочным влагонепроницаемым слоем - глазурью. У верблюдов же вместо копыта - мозоль. Подошва конечности в виде толстой кожаной подушки удобна при движении по песку. Но то, что хорошо для песчаной почвы, плохо для влажной. Трубочатые системы стенки мозоли-копыта плохо защищены от влаги. Разбухшие слои становятся рассадником для микробов. В подтверждение высказанного приведу пример из омской истории. Есть предположение, что бухарские купцы в одном из сел нынешнего Саргатского района Омской области разгружали верблюдов и оставляли на сохранение хозяевам, а сами брали в аренду лошадей. Неплохой приренок местные крестьяне извлекали из своеобразного гостиничного бизнеса. Что за село, спросите вы? Да Верблюжье, конечно. Правда, тут же, по ходу изложения, возникает очередная загадка. А как в Большереченском зоопарке, который находится в 130 километрах севернее Верблюжьего, без всяких проблем для здоровья круглый год на открытом воздухе проживает несколько верблюдов? Так они же грузы на себе не возят. Неторопливо поедят, походят, полежат, людей у изгороди загоняют мудрым взглядом (и чего они вечно светятся?), снова без спешки поедят. Курорт!

На соляных приисках верблюды со своей неважной биологической защитой могли стать легкими жертвами разъедающего действия рапы. Как же выходили из положения погонщики скота? Из шкуры коровы, как рассказывал Байтермир Бай-

магамбетович, скорняки шили для верблюдов специальные кожаные чулки.

КОРЯКОВКА ПОСЛЕ ПОБЕДЫ СОЦИАЛИЗМА

В конце двадцатых прошлого столетия частников из соледобычи постепенно начали втеснять бригады с социалистической организацией труда: нормированный трудовой день, обученный персонал, постоянный заказ, выдача зарплаты в срок. Для рабочего скота строились фермы, специальные бригады занимались заготовкой кормов. Баев не репрессировали. Они, проигрывая в конкурентной борьбе, сами разъезжались.

На начало тридцатых приходятся годы так называемого голодомора. Голодомор практически во всех странах, входивших когда-то на правах республик в Советский Союз, рассматривается как средство геноцида местных национальностей. В деревне Коряковке люди от голода тоже умирали. Байтермир Баймагамбетович сегодня, может быть, единственный из селян знает, где находятся траншеи с умершими. С просьбой показать их, чтоб поставить памятный знак, к нему пока никто не обращался. За весь Казахстан он не говорит, не знает, но на берегах Коряковки, как он помнит с юности из рассказов стариков, люди гибли без учета национального признака: и казахи, и русские. Добавлю, что последние исследования показывают: в ходе голодомора русские в процентном отношении потеряли больше, чем любая другая нация СССР. Беда была общей.

В войну на озере трудились жены соледобытчиков. Их мужья ушли на фронт. Бабских силенок не хватало, производство соли падало. В помощь местным работницам пригнали трудармейцев из женщин и пожилых мужчин. Тут же работали репрессированные

чеченцы, немцы и болгары. Трудно сказать, как болгары под раздачу попали, однако один из них до сих пор в Коряковке живет.

Баймагамбет Нуртазин, отец рассказчика, на фронт не попал, а призывали его дважды. Директор возвращал. Ему, директору, а был он из русских, угрожали арестом за самоуправство. Он же отвечал, что если рядом не будет Нуртазина, ему так и так придется отправиться в тюрьму: как соль добывать, когда не останется ни одного специалиста?

Сам Байтермир Баймагамбетович с юности работал на местной электростанции. Окончил школу и пошел на соледобычу. В училищах и техникумах не обучался. До всего доходил своим умом. Работа нравилась.

Электроэнергии требовалось много: транспортеры, фасовочные линии. До ста тысяч тонн соли ежегодно отправляло коряковское подразделение Сольтреста во все концы СССР: от пищевых предприятий до химических комбинатов. Белые блестящие курганы на берегах озера достигали в высоту до нескольких метров. Поперек озера была проложена узкоколейка, на железнодорожные платформы из подающей трубы солекомбайна «соляная руда» шла

непрерывным круглосуточным потоком. Коряковская соль ценилась. За ней ехали не одни заказчики от предприятий, люд из соседних селений тоже брал. Оснащенная по последнему слову науки лаборатория строго следила за качеством продукции.

Соледобытчики работали только в теплое время года. Зимой рабочие готовили технику к летнему сезону. От соли в морозы железо становилось хрупким. От случайного удара молотком лопались рельсы узкоколейки.

БЕДА НЕЧАЯННО НАГРЯНЕТ

Те далекие времена Байтермир вспоминает с видимым удовольствием. Хотя и сейчас не грустит. У него девять детей. Его жена Майнаш почему-то стесняется говорить, сколько детей нарожала, а дед своими успехами на семейном поприще гордится. Правда, когда родилась третья дочь подряд, он день с постели не поднимался. С переживания. Сына ждал. Аллах вознаградил за терпение. Потом пошли сыновья. Нуртазины, как многодетная семья, дом большой получили.

Беда пришла в 1972 году: соледобычу на Коряковке закрыли. Истощилось озеро. Кто-то уехал, кто-то остался. В Коряковке открыли четыре новых предприятия. Пусть они не были столь мощными как Сольтрест, денег на жизнь хватало. Но случилась перестройка, и предприятия исчезли. Убавилась и деревня. В настоящее время в ней 50-60 дворов и 180-190 человек населения. Не сказать, что у людей много счастья, но и не бедствуют. Кто-то живет за счет скота, кто-то за счет трудоустройства в Павлодаре, до городской окраины всего 14 километров.

О прошлом величии этих мест напоминают руины лаборатории да сваи от узкоколейки, на которых крепились рельсы. Из свай получаются хорошие столбы: не гниют, пропитанные солью.

За обедом, пока мы с Байтермиром и Майнаш вели светский разговор о разном, меня не покидала мысль о том: почему же озеро, 270 лет бесперебойно дававшее соль, вдруг оскудело? Отложение соли в замкнутых водоемах идет по принципу бесперебойного конвейера: дождевые и талые воды вымывают из почвы поступающий из глубин земли хлорид натрия и несут его в котловины, а он, когда вода испарится, накапливается в виде соляных пластов. Почему же в Коряковке природный механизм вдруг испортился? В чем загадка?

Разгадка родилась, но уже в Омске. Почитав умные книги и прослушав несколько раз диктофонную запись рассказа Байтермира Баймагамбетовича, я, как мне кажется, понял причины поломки соляного конвейера в Коряковке.

Виктор ГОНОШИЛОВ
Фото автора

(Окончание в следующем номере)

Следы узкоколейки на озере.

Через два года мы будем праздновать трехсотлетие с момента основания города Омска. Лет с тех пор, когда теплым днем 1716 года отряд Бухольца причалил к иртышским берегам у устья Оми, прошло много, а количество белых пятен в омской истории, как в истории любого старинного города, не уменьшается. В притчах рукописи, конечно, не горят, а в реальности горят, гниют, и не только рукописи, официальные документы тоже. Поэтому так много пробелов в повествованиях о жизни любого сибирского поселения. Попыткой заполнить один из таких просветов и является этот материал.

(Окончание. Начало в №6 (1004) от 12 февраля 2014 г.)

В МЕЧТУ НАДО ВЕРИТЬ

Многие считают, что именно от озера Коряковки получил свое название Коряков Яр на правом берегу Иртыша, где сейчас расположен город Павлодар. В его окрестностях проиграла бой джунгарам охрана русского каравана, который вез припасы для отряда Бухольца. Отряд Бухольца, взятый в кольцо осады теми же джунгарами у озера Ямышева (это примерно в 50 километрах южнее нынешнего казахстанского Павлодара), не получив помощи, отступил к устью Оми. Так в конце мая 1716 года зародился город Омск. А из озера Коряковки омичи возили соль, чтоб не очень обильный стол получался повкуснее. Мне всегда хотелось побывать на озере, посмотреть как оно выглядит.

Известно, мечты, если о них не забывать, рано или поздно сбываются. И вот я на берегах водоема. Он расположен примерно в 500 метрах от одноименной деревни Коряковки. Смотрится внушительно. В ширину больше километра, а в длину - семь. Протяженность береговой линии составляет 20 километров. Конечно, я не сам километры вымерял. В павлодарских справочниках о них вычитал. Есть приток. Берега пологие, что говорит о древности водоема.

Озеро своей формой похоже на старицу Иртыша. Возраст великой сибирской реки около 250 тысяч лет. За это время она много раз меняла свое русло. Многие сибирские озера обязаны своим происхождением неугомонности Иртыша. Старица, отделившись от русла, постепенно теряет связь с рекой, а в ее замкнутой котловине при испарении воды начинает откладываться хлорид натрия.

В прошлые годы, когда в Коряковке добывалась соль, глубина водоема достигала полутора метров, сегодня - около 50 сантиметров, местами чуть глубже. Кристаллы хлорида натрия, откладываясь ежегодно слой за слоем по 5-10 сантиметров толщиной, вытесняют воду. Последние 40 лет работы на озере не велись, так как оно вроде бы истощилось за предыдущие 270 лет бесперебойной соледобычи (1700-1972 гг.). А нынче опять готово давать соль. Желаящих открыть промысел в промышленных масштабах пока не находится.

Между озером и деревней идет вал двухметровой ширины. Когда-то он не позволял далеко разливаться соленой влаге. На берегу растут редкие невысокие деревца, из артезианской скважины течет тонкая струйка, которая прозрачным ручейком вливается в озеро. Заметны следы грязевых лечебных ванн - углубления, вырытые в грунте.

Соль же в Коряковке продолжают добывать. Правда, кустарным способом. Технология у местных жителей отработана. Когда ветер отгоняет тонкий слой воды от ближайшего к деревне

Куча соли, добытой кустарным способом.

КАЗАХСТАНСКАЯ ЧАСТЬ ОМСКОЙ ИСТОРИИ

берега, мужики берут кирки и ломают слои соли. Куски складывают в огромные чаны, которые затем вытаскивают трактором. Вываливают их тут же, на берегу. Соль крупная. Продают ее по три тенге за килограмм (около 65-70 копеек в пересчете на российскую валюту). Затраты вряд ли покрывают расходы. Работа на озере скорее ностальгия по прошлому.

В ЧЕМ ЖЕ ПРИЧИНА?

Но почему на Коряковке в 1972 году закрыли соледобычу? Ведь в ту пору народному хозяйству СССР всегда всего не хватало. Говорят, от истощения запасов. Но, если следовать логике природного конвейера, такого быть не могло, потому что не могло быть никогда. В озере ежегодно с каждого гектара степи дождевые и талые воды приносили до 400 кг соли. Что же случилось? Мой собеседник 76-летний Байтемир Нуртазин, житель Коряковки, рассказывал, что однажды начальство решило сделать из пресного притока озера котлован, где можно было бы охотиться, купаться. Что-то там взрывали. И мощный некогда приток вдруг сократился до ручейка. Озеро стало пересыхать. Для спасения соледобычи пробурили несколько артезианских скважин. Во взрывах, видимо, и кроется главная разгадка оскудения озера. Где-то нарушилась обычная геология грунтов, вода притока, она хоть и пресная на вкус, но соль в себе несла постоянно, пошла другим путем, возможно, подземным. Артезианская вода, сменившая поверхность, нужного количества хлорида натрия в себе не имела. Следовательно, при летнем испарении в осадок соли выпадало меньше нормы. И тут в процесс вмешались химические законы: при обилии влаги хлоридное озеро превращается в карбонатное. Сейчас воды снова мало, она вытеснена накопившимися слоями соли, и озеро снова хлоридное.

А БЫЛ ЛИ КОРЯКОВ? БЫЛ!

Сейчас в Павлодарской области бурно, насколько я могу судить о том по сайтам Интернета, обсуждается проблема переименования Павлодара в Кереку. Так вроде бы когда-то казахи называли Коряков Яр, а потом и город Павлодар, расстроившийся на его месте. В Казахстане много городов и сел с русскими названиями переименовано на казахский лад, и я здесь обсудить этот процесс не берусь. В чужой монастырь со своим уставом не суются. Я здесь попытаюсь подискутировать с

теми краеведами, которые доказывают, что название Коряков Яр русским считается необоснованно.

Сначала небольшое путешествие в историческое прошлое. В его официальную часть. В 1720 году на правом берегу Иртыша в окрестностях Корякова Яра русские казаки ставят форпост Коряковский. Затем он переименовывается в станицу Коряковскую, а еще позже - в город Павлодар. А свои названия Коряков Яр и озеро Коряковка (между ними 20 верст), от которых идет название Коряковского форпоста, получили по имени тарского то ли купца, то ли казака. Но так, как рассказывается в данном абзаце, за бесспорную истину принималось когда-то.

Сейчас в Казахстане появилось множество статей, в которых доказывается, что топоним Коряков Яр произошел от казахского слова Кереку. Значение слова я тут расшифровывать не стану, ибо у каждого сторонника нового названия Павлодара своя смысловая его нагрузка. И не в нем, не в смысле слова, дело. Дело в другом: попутно в статьях сторонников переименования Павлодара обычно проводится мысль, что человека Корякова могло и не быть. Не засветился он больше нигде в истории, кроме как присвоить свое имя озеру и яру. Мол, даже и в истории Тары он никак не отмечен. И проверить его наличие невозможно.

Я и сам какое-то время соглашался с этой версией, ну, насчет невозможности проверки существования человека по фамилии Коряков. Дела давно минувших дней. И вдруг наткнулся на изданную в 2013 году омичкой Юлией Ефремовой книгу «Сибирское казачье войско (1823-1919). Послужные и формулярные списки. Именной указатель». Полистал, там указаны два человека с однокорневыми фамилиями: Василий Корякин и Николай Коряковский. А дальше сюрприз за сюрпризом. В «Истории Сибири» Миллера среди основателей Тары (1594 год) нашлся казачий сотник Микита Корякин. А в списках фамилий и топонимов, упомянутых в своих сочинениях выдающимся сибирским историком и картографом Семеном Ульяновичем Ремезовым (1642-1720), оказалось столько слов с корнем «коряк», что впору отдельную страницу заводить. Обидно, что эти книги я сотни раз листал, а поискать в них Коряковых ума не хватило.

Топоним Коряков Яр имеет давнюю историю. На месте будущего Павлодара в «Хорографической чертежной книге Сибири» С.У. Ремезова, которая была завершена в 1697 году, это место уже

именовано. Территория же современной Павлодарской области до 1759 года имела двойное подчинение: де-факто, по национальному признаку населения, ею владели джунгары, злейшие враги казахов (Джунгарское ханство китайцы разгромят в середине XVIII века), а де-юре - русские, как преемники прав Сибирского ханства. Казахи же начали заселять правобережные прииртышские степи только в конце XVIII века. «Павел I в 1798 г. позволил казахам Среднего жуза, - пишет в своей статье «Омск или Омбы?» (2002 г.) историк Владимир Шулдяков, - перейти на правый берег Иртыша». Поэтому при всем моем уважении к казахстанским специалистам по географическим названиям я должен сказать: Коряков Яр назван по фамилии казака Коряковского или Корякина; небольшая разница в окончаниях для такого неодушевленного предмета, как наука топонимика, сути не меняет.

Проводя поиски казака Корякова, я наткнулся на один совершенно удивительный факт. Оказывается, озеро

Коряковка было открыто не в 1700 году, а гораздо раньше. И соль, судя по всему, в нем стали добывать еще в XVII веке. Ведь экспедиции за солью в Степь русские стали отправлять с 1601 года. В той же «Хорографической чертежной книге Сибири» Ремезова, которая была завершена, напомним, в 1697 году, напротив Корякова Яра находится соленое озеро Скородум. Слово «скородум» в русском языке имеет два значения: с быстрым умом человек и наскоро возведенная постройка. В последнем случае в «скородум», видимо, переименовалось слово «скородом», существовавшее когда-то в русском языке. Отсюда и обилие Скородумов по России. В Омской области тоже есть. А в Казахстане, используя современные карты, я ни единого села с таким названием не нашел.

Так как в окрестностях озера в XVII веке реальными хозяевами были джунгары, то образованный из неглубоких землянок свой стан соледобытчики, думается, называли «скородумом». Название постепенно прилепилось к озеру. Пока озеро посещалось от случая к случаю, название Скородум удовлетворяло всех. Когда же соледобыча на озере превратилась в регулярную, то озеро получило новое название - Коряковка. Почему? А по частоте употребления. Про Коряков Яр знали все сибирские купцы и казаки. Он служил местом привала на пути к озеру Ямышеву, главному соляному озеру Сибири. Про озеро же Скородум знали немногие. Когда тарский казак, видя сборы друга в путь, спрашивал: «Ты куда нынче поплывешь?», то приятель отвечал ему многословно: «Да в степь. За солью. На одно озеро. Нет, не на Ямышево, на другое. Ну, знаешь, на которое через Коряков Яр идут». Так у озера появилось название Коряковка. Почему не Коряковское, что выглядело бы привычнее для названия озера? Просто одним словом обозначали и деревеньку и само озеро. Хотя объективности ради я должен добавить, поскольку Ремезов многие свои карты составлял с чужих слов, то озером Скородум может оказаться и какое-то другое вместо Коряковки озеро, расположенное неподалеку от Корякова Яра. Вероятность этого мала, но она существует.

За помощь в подготовке материалов считаю нужным выказать свою признательность сотрудникам павлодарских - областной и городской - библиотек, а также омичу Александру Ивановичу Шахматову. Спасибо!

Виктор ГОНОШИЛОВ
Фото автора